

Ирина Чикалова, доктор исторических наук, профессор
кафедры всеобщей истории БГПУ им. Максима Танка

НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОШЛОГО: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В ИСТОРИИ

За последние десятилетия произошло заметное обновление методологической базы и тематической направленности исследований в области гуманитарных и политических наук. В связи с состоявшейся ревизией подходов к изучению прошлого и настоящего открылись перспективы для расширения исследовательского поля за счет подключения новых дискурсов и методологических интерпретаций, в том числе феминистский и гендерный, что стало отражением неудовлетворенности результатами, полученными исторической, социологической и политической науками при исследовании общественных процессов.

В связи с общей темой статьи будет целесообразно начать с анализа методологических подходов к рассмотрению проблем пола традиционалистско-консервативной и либеральной политической теорией и историографией.

Гендерная составляющая консервативной и либеральной теорий. Большинство теоретиков, начиная с мыслителей античности, объявляли, что биологические особенности и культурные модели, связанные с женщинами, не только не позволяют им участвовать в структурах власти и управления, но и развивать качества, связанные с политической и гражданской активностью. Концепция, которая структурировала политический дискурс, базировалась на признании четкой дихотомии публичного и приватного пространств. Начиная с древних греков, их концептуальное разведение отражало классическое понимание приватной области (*oikos*, или сфера репродукции) и хозяйственной (*polis*, город-государство, организующее производство) как изначально разделенных. Более того, в качестве арены свободы и гражданских прав характеризовалась только публичная сфера. Поскольку женщины ассоциировались с приватной, подчиненной сферой, они функционально были исключены из практик свободы, кото-

рые определяли политическую жизнь: публичная сфера не только существовала без женщин, но и была настроена против них. При этом их исключение из публичной сферы опиралось на вменяемую женщинам «естественную» неспособность переступить за пределы их биологического и экономического подчинения в домашней сфере. Данное отношение было характерно не только для государств античной Греции, но и для Древнего Рима: женщина абсолютно подчинялась домовладыке по Законам XII таблиц (середина V в. до н. э.) и (хотя и в несколько меньшей степени) по семейным законам императора Августа (43 г. до н. э. — 14 г. н. э.). Соответственно в андроцентристской политической теории женщины и все связанное с ними оказались на самой периферии.

Для консервативных научных школ характерна особая интерпретация сущности общества и государства, взаимоотношений между ними: человеческое общество образуется согласно божественному плану. Это подразумевает его неизменяемость и противоестественность попыток воздействия на него с целью модернизации. В консервативной концепции общество интегрировано в государство и построено на фундаменте жесткого иерархического порядка, подразумевающего ограниченную свободу и неравенство различных социальных групп. Равенство существует только в области морали и добродетели, которая состоит в обязанности исполнять предназначенный каждому долг: женщины рожают и растят детей, ухаживают за мужчинами, а мужчины заботятся об общественном благе. Лучшие люди страны не те, кто печется о своих правах, а те, кто несет особые обязанности.

Самый надежный руководитель человеческого поведения, с точки зрения одного из основателей идеологии европейского консерватизма английского политического деятеля и публициста конца XVIII в. Эдмунда Бёрка, —

скрытая в «обычных предрассудках» таинственная мудрость, унаследованная от предков: именно в ней отражен «разум всеобщий, коллективный, политический». В связи с этим Бёрк провозгласил один из важнейших принципов консерватизма: *«Вместо того чтобы отвергнуть наши старые предрассудки, мы их глубоко чтим и, добавив не стыдясь, уважаем их именно потому, что это предрассудки: и чем древнее они и шире распространены, тем больше мы их почитаем. Мы опасаемся оставлять людей наедине с их собственным запасом разума, ибо полагаем, что он невелик и что индивидам лучше иметь доступ к общим накоплениям нации и веков»* [1]. Консервативный дискурс «о естественном порядке вещей в мире» основан на христианской доктрине. Последняя лежит в основании культуры западноевропейской цивилизации. Поэтому встроенные в нее представления «о естественном предназначении женщины» как «хранительнице традиций, семейных ценностей и домашнего очага» оказались наиболее устойчивыми и тяжело разрушаемыми, ибо составляют базис утвердившегося в европейской культуре патриархатного гендерного порядка. В нем фактор половой принадлежности оказывается решающим в «навязывании» женщинам социальных функций, занимающих нижние строчки в системе социальных иерархий.

Для консервативных научных направлений в общественных науках, в том числе в исследовании всемирной истории, характерным явилось четкое фиксирование стандартов женского и мужского поведения, признание соответствующей атрибутики пола «на все времена» и для всех народов; сегрегация женщин и женского внутри научного дискурса с подчас дискриминационным подтекстом («женская сфера», «женское занятие», «женская логика»). Центральный дискурс исторических и политических трудов конструировался таким образом, как будто женщины и практики их существования концептуально не могут быть объектом ни исторического, ни политического исследования. В результате происходило формирование соответствующего отношения к женщинам как к людям «другим», «маргинальным». И несмотря на факт, что женщины (вопреки исключенности на протяжении веков из мира профессиональной жизни и государственной деятельности) все-таки влияли, *хотя и своеобразными и немногими им доступными в то время способами*, на ход мировых трансформаций (участвуя в процессах воспроизводства домохозяйств и населения, осуществляя уход за членами семьи,

поддерживая системы общественных, культурных и религиозных ценностей, участвуя в процессе создания произведений искусства), это обстоятельство не встречало должного понимания у исследователей. Как следствие, в иерархической структуре знания, в которой все значимое концентрировалось в публичной сфере политики, профессиональной и религиозной деятельности, женщинам не находилось места. Научное исследование «незаметных статисток истории» в лучшем случае рассматривалось как вспомогательное, само по себе маргинальное. Таким же второстепенным, незначимым, необязательным становилось производимое в результате знание.

В противовес консервативным идеалам сторонники либерализма видят доминанту демократического общества в личной и гражданской свободе: только она открывает путь к вершинам социальной иерархии, достижению достойного места в ориентированном на социальный прогресс обществе. Индивид уже в дообщественном, догосударственном, так называемом «естественном» состоянии наделен неотчуждаемыми правами, а потому он должен сохранить их и в последующие эпохи. Свобода независима от происхождения, способностей и знаний, характера и убеждений, а потому все люди равны перед законом, а гражданские права человека не должны зависеть от его пола, сословной или классовой принадлежности, должностного или имущественного положения. Либеральная доктрина исходит из предположения, что реализация ее принципов откроет каждому человеку и каждой социальной группе возможность максимального развития и достижения наивысших результатов. Именно поэтому на идейный базис либерализма опирались первые феминистские критические работы [2]. Однако вплоть до окончания Первой мировой войны либеральная теория с ее акцентом на индивидуализм и гражданские свободы демонстрировала ограниченность в вопросе распространения эгалитарных прав на женщин. Либералы пренебрегали ими просто потому, что они — женщины. Исключение их из практик свободы опиралось на якобы «естественную» неспособность женщин преступить за пределы «биологического предназначения». Но именно из теории либерализма вырос либеральный феминизм, явивший собой теорию их индивидуальной свободы. Труд Мери Уоллстонкрафт «В защиту прав женщины» (1789) явился его первым развернутым манифестом.

Либеральная феминистская теория принимает существующую систему как неизбеж-

ность, но видит ее будущее в постепенном реформировании в направлении обеспечения для женщин равных возможностей в достижении благосостояния, в доступе к образованию, в устранении дискриминации в области трудовых прав, в сфере профессиональной деятельности и медицинской помощи. Особое значение в рамках либерально-феминистской теории придается полноценной интеграции женщин в профессиональную и политическую жизнь. Реализация этого оценивается не только исходя из самого факта присутствия в мире политики, но и из осознания того, как именно политические решения в разных областях сказываются на судьбах женщин. Ведь поскольку правительства вовлечены в регулирование рождаемости, сексуальности, разделения труда и собственности в семье, т. е. формируют условия, которые создают или разрушают семью, женщины без власти в политическом мире не смогут на деле обладать полной мерой власти в собственной частной жизни. И это только один аспект проблемы, потому что они могут влиять не только на политические решения в социальной сфере, но и привносить новое видение в сферу международных отношений, внешней политики, оборонной стратегии.

Women's Studies и Женская история. Заявившие о себе в 1970-е гг. междисциплинарные академические *women's studies* (женские исследования) стали развиваться на стыке социологии, истории, антропологии, психологии, языкознания, литературоведения. Демонстрация социальной сконструированности различий между мужчинами и женщинами, выявление и распространение информации о последних, изучение неравноправного специфического положения и угнетения женщин мужчинами, обсуждение и «разоблачение» патриархата — все эти вопросы выдвинулись в круг их основных задач. В рамках *women's studies* произошло открытие и теоретическое осмысление феномена неравенства по половому/гендерному признаку, в связи с чем ответственное за него патриархатное общество было подвергнуто всесторонней критике.

Начиная с этого времени, историки также стали изучать истоки и проявления неравенства в исторической ретроспективе, в основании которого лежит пол. Стремясь связать «женскую историю» с историей общества и объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий, традиционный социально-классовый анализ общества исследователи дополнили

фактором различия полов, а статус исторического лица стали рассматривать как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик. На первом этапе категория *гендера* еще не вошла в историческое исследование, однако уже в 1980-е гг. множество «частных» тем, раскрывавших место и роль женщин в обществе, стали не просто статусными, но и приобрели совершенно иное звучание. Это отражали и Международные конгрессы исторических наук. Они зафиксировали изменение исследовательского интереса ученых в сторону более тщательного изучения повседневной жизни людей в разные исторические эпохи, которое без включения женщин уже невозможно.

Рост числа исследователей женской истории привел к оформлению соответствующих организационных структур. В 1989 г. на XVII Международном конгрессе исторических наук была создана Международная федерация исследователей в области женской истории, объединившая ученых нескольких десятков стран. В том же году она провела первую конференцию в Белладжии (Италия). Тем самым манифестировалось признание «женской темы». Результаты первых встреч исследователей-феминологов и их дискуссий опубликованы в коллективной работе «Создавая историю женщин. Международные перспективы», изданной под редакцией Карен Оффен, Рут Пирсон и Джейн Рендалл (1991) [3]. Сама же женская история достаточно быстро насыщалась разнообразными исследованиями. Среди обобщающих работ необходимо отметить вышедший в 1988 г. двухтомный труд «История их самих. Женщины в Европе от доисторических времен до настоящего времени» [4], а также пятитомное исследование «История женщин на Западе», осуществленное под руководством патриарха французской социальной истории Жоржа Дюби и лидера феминистского направления во французской историографии Мишель Перро [5]. В настоящее время ведется работа по подготовке русского издания этого фундаментального труда.

Активно развиваясь, «история женщин» включила в сферу своих интересов почти все вопросы, имеющие отношение к их жизни в разные эпохи, и дала импульс к созданию нового направления в историографии — «гендерной истории». В этом ее неопределимое значение. Но обнаружилась и методологическая слабость нового направления. Она состояла в том, что «история женщин» не была интегрирована во всеобщую историю и была обречена в лучшем

случае на параллельное с ней существование. В похожем методологическом тупике оказались и иные «периферийные» исследовательские области. Политическая и культурная периферийность целых групп населения и доминантное положение других была продемонстрирована при помощи научного анализа. Но каковы механизмы вытеснения одних и выдвижения в привилегированное положение других? Помочь ответить на эти вопросы уже не могла Марксова теория классов и классовой стратификации, объяснявшая разделение общества в связи с отношением индивида к собственности. Ее было явно недостаточно. Преодоление тупика оказалось возможным на пути теоретического осмысления *гендера* с помощью целого ряда модернистских социологических теорий *социального конструирования*. Благодаря им концептуализация понятия *гендера* превращает его в важнейшую категорию научного анализа в политических, социальных и гуманитарных науках.

Гендер как категория научного исследования. Начиная с 1980-х гг., гендер становится одной из центральных категорий изучения в социальных и гуманитарных науках. Он стал использоваться для проведения так называемой горизонтальной социологической стратификации общества в отличие от вертикальной — классовой, сословной и подобных им. Несмотря на широкое использование, эта категория и сегодня остается развивающейся и проблемной [6].

При всей множественности и дискуссионности описаний и определений гендера смысл заключается прежде всего в идее его социального конструирования. В ее основе лежит ряд социологических теорий: *структурного функционализма* Т. Парсонса, *социализации* Т. Парсонса и Р. Бейлса, П. Бергера и Т. Лукмана и их социально-конструктивистский подход [7], этнометодология Г. Гарфинкеля [8] и драматургический интеракционизм И. Гофмана [9]. С целью выяснения, как создается, конструируется и контролируется гендер в рамках социального порядка, исследователи различают три основных понятия: *биологический пол* (*sex*), *приписывание пола* (категоризация по полу) и *гендер*. Гендер «определяется как работа общества по приписыванию пола, которая производит и воспроизводит отношения неравенства и дискриминации. «Женщины» (и «мужчины») более не рассматриваются как недифференцированные категории, напротив, категория различия становится основной в определении *мужественности* и

женственности. Различия задаются также через контексты возраста, расы и сексуальной ориентации» [10]. Понимание гендера может выглядеть следующим образом: «Гендер — это система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка» [11].

Новая дисциплина — гендерные исследования и гендерная история. Дальнейшая концептуализация и проблематизация категории гендера в 1990-е гг. привела к возникновению новой субдисциплины — *гендерных исследований*. Получив толчок для своего развития прежде всего от *женских исследований*, они переместили акцент с изучения неравноправного специфического положения женщины, осуждения и патриархата на исследование более широкого социального контекста, анализ *гендерной системы*. В 1990-е гг. гендерные исследования выступают в качестве междисциплинарной исследовательской субдисциплины, став новейшим концептуальным проектом постфеминизма, в рамках которого реализуются новые возможности гендерного подхода для анализа не только депривации женщин со стороны мужчин, но и шире — властных взаимозависимостей и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования в общественной и приватной сферах. В этом свете изучение неравноправного положения женщин предстает только в качестве частного случая функционирования гендерной системы в целом. На этом этапе в их развитии усиливается теоретическая роль ранее периферийных, теперь вышедших из невидимости областей — «исследований мужчин», «гей/лесбийских исследований», «квир исследований». Под их влиянием произошло перенесение акцента с исследования положения женщин на механизмы функционирования властного дискурса как такового. С этого момента начинаются собственно *гендерные исследования*, включившие в сферу своего интереса также проблемы социального конструирования *маскулинности, феминности и сексуальности*, а сама категория гендера получила статус, идентичный по значимости давно утвердившимся на исследовательском научном поле категориям «класс» и «этнос». Таким образом, можно предложить следующее определение новой области. *Гендерные исследования — междисциплинарная исследовательская область, в рамках которой реализуются возможности,*

связанные с использованием гендерного подхода для анализа властных взаимозависимостей и иерархии, структур власти и подчинения, систем доминирования в рамках политических, экономических, правовых, гражданских институтов, внутри социальных групп, на межгрупповом и межличностном уровне.

Что касается исторических исследований, то в них тоже появилась возможность использования гендерного подхода благодаря состоявшейся концептуализации понятия и развития теории гендера. Основные теоретико-методологические положения гендерной истории впервые сформулировала американский историк Джоан Скотт в докладе «Гендер: полезная категория исторического анализа», озвученном на пленарном заседании ежегодной конференции Американской ассоциации историков в декабре 1985 г. и через год опубликованном в «American Historical Review» [12]. Траектория современного исторического знания в ее трактовке развивается от истории как бы бесполой, по форме всеобщей, но, по существу, игнорирующей женщин, к ее зеркальному отражению — однополой «монологической» «женской истории» и далее — к «диалогической» истории гендерных отношений, а еще точнее, к обновленной и обогащенной социальной истории, расширившей понимание социального (и соответственно свое предметное поле) и включившей в него все сферы социальных отношений как в общественной, так и в частной жизни [13]. Та-

ким образом, в гендерной истории центральным предметом исследований выступает уже не столько «история женщин», сколько история властных взаимозависимостей, взаимосвязей и иерархий между мужчинами и женщинами, мужчинами и мужчинами, женщинами и женщинами разных социально-классовых слоев с учетом сексуального статуса, расовой/этнической принадлежности и возраста, т. е. — «диалогическая» история социальных отношений.

Наиболее полный теоретико-методологический анализ развития на Западе и в России женской и гендерной истории, особенно после встречи последней с постструктурализмом, в русскоязычной историографии представлен работами ведущих российских специалистов Н. Л. Пушкиревой [14] и Л. П. Репиной [15]. Усиление в последние годы научного интереса к проведению исследований, в которых центральными категориями выступали не только класс и раса/этнос, но и категория гендера, говоря словами Джоан Скотт, показало «приверженность ученых истории, которая включает сведения об угнетенных, анализ значения и природы их угнетения, и... научное понимание того, что неравенства власти распространяются, по крайней мере, в трех направлениях» [16]. Рост соответствующих публикаций специалистов разных областей на постсоветском пространстве свидетельствует о том, что среди исследователей растет число тех, кто разделил эту точку зрения.

1. Цит по: *Фадеева Т. М.* У истоков идеологии европейского консерватизма // Новая и новейшая история. — 1992. — № 6. — С. 60.
2. *Уоллстонкрафт М.* В защиту прав женщины; *Гуж Олимпия де.* Декларация прав женщины и гражданки; *Адаме А.* Письма к мужу и др. // Феминизм: Проза, мемуары, письма. — М., 1992; *Милль Д.* О подчинении женщины. — М., 1994; *Рише Л.* Свободная женщина: о женском вопросе и свободе женщин. — М., 1879.
3. *Writing Women's History. International Perspectives.* Ed. by K. Offen. R. Pierson. J. Rendall. — Bloomington (Ind.), 1991.
4. *Anderson B. S., Zinsler J. P.* A History of Their Own. Women in Europe from Prehistory to the Present. — New York, 1988.
5. *Histoire des Femmes en Occident.* Sous la Direction de G. Duby et M. Perrot. — V. I-VI. — Paris, 1985-1991.
6. См. о гендере подробнее: *Здравомыслова Е., Темкина А.* Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ — СПб.; Алетейя, 2001; *Шакирова С.* Толкования гендера // Шакирова С., Сеитова М. (ред.). Пол женщины. Сб. статей по гендерным исследованиям. — Алматы, 2000; *Чикалова И. Р., Янчук Е. И.* Гендер // Всемирная энциклопедия: Философия. XX век / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002; *Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой.* М.: Информация — XXI век, 2002; *Блохина Н. А.* Понятие гендера: становление, основные концепции и представления // Общество и гендер. Материалы Летней школы в Рязани. — Рязань, 2003 и др.

7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Пер. с англ. — М., 1995.
8. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967.
9. Goffman E. «Frame Analysis of Gender» и Goffman E. «Gender Display» // Lemert C. and A. Branaham. eds., Goffman Reader. — Oxford: Blackwell, 1997.
10. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социс. — 2000. — № 11. — С. 19.
11. Цит. по: Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория. — С. 161.
12. Scott J. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // Scott J. Gender and the Politics of History New York: Columbia University Press. 1988. Перевод статьи на рус. яз. опубликован в журн. «Гендерные исследования». — 2000. — № 5 и Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. — Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001.
13. Репина Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и Новейшая история. — 1997. — № 6.
14. См.: Пушкарева Н. Л. Как женщин сделали видимыми // Женщины в истории, возможность быть увиденными. Вып. 1 / Под ред. И. Р. Чикаловой. — Мн.: БГПУ им. Максима Танка, 2001; Пушкарева Н. Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. — М.: РОССПЭН, 1998; Пушкарева Н. Л. Зачем он нужен, этот «гендер» (новая проблематика, новые концепции, новые методы анализа прошлого) // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. — М.: РОССПЭН, 1999; Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. — М., 1999; Пушкарева Н. Л. Между «тюрьмой» и «хаосом». Феминистская эпистемология, постмодернизм и историческое знание // Шорэ Э., Хайдер К. (отв. ред.). Пол. Гендер. Культура. Вып. 2. — М., 2000; Пушкарева Н. Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебн. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. — Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001.
15. См.: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998; Репина Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и Новейшая история. — 1997. — № 6; Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Ч. 1 // Социальная история. Ежегодник. — 1997. — М., 1998; Репина Л. П. Смена познавательных ориентации и метаморфозы социальной истории. Ч. II // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. — М.: РОССПЭН, 1999; Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. — М., 2002.
16. Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. — Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. — С. 407.

Мудрость тысячелетий. — М., 2002.

У человека, лишённого богатства и поэтому неразумного, все действия прекращаются, как мелкие речки пересыхают летом!

Геродот

У кого богатство — у того друзья, родственники, тот настоящий человек на свете, — тот пандит (образованный человек).

Эврипид